

мин *trapētes* ~ *trapētum* ~ *trapētus* 'маслодельный пресс'⁷, который, однако, отсутствует в "Древнегреческо-русском словаре" И.Х. Дворецкого. Греческий термин 'маслодельный пресс', вероятно, представлен в словоформе *jo-te-re-pa-to*, засвидетельствованной в крито-микенской письменности В и толкуемой как глагольная форма от основы, представленной в *traléω* 'давить (масло)'. Строкой выше слова *jo-te-re-pa-to* в тексте стоит относящаяся к нему идеограмма OLE (масло)⁸, что дает основание выделить в словоформе *jo-te-re-pa-to* существительное *te-re-pa-to* со значением 'маслодельный пресс'.

В заключение следует отметить, что в крымском диалекте караимского языка наряду с термином *трапон* существовал еще термин *полон* ~ *полун* ~ *пулун* 'точило; давиленья (приспособление для изготовления виноградного сока)⁹, который объясняется из перс. *palavan* 'сито, шумовка' или *palune* 'сито, решето, цедилка', производных от глагола *paludan* 'выжимать; фильтровать'¹⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Новороссеий официально со второй половины XVIII в. до 1917 г. называлось Северное Причерноморье. Состав земель, входящих в Новороссийский край, неоднократно менялся. У В.И. Даля к нему относятся Херсонская, Екатеринославская, Таврическая и Бессарабская губернии, см.: Даль², I, LXXVIII.

²Трубачев О.Н. Таврские и синдомеотские этимологии // Этимология. 1977. М., 1979. 143—144.

³Караимско-русско-польский словарь. М., 1974. 542.

⁴Жуковский П.М. Культурные растения и их сородичи. Л., 1964. 571.

⁵См.: Якобсон А.Л. Крым в средние века. М., 1973. 33—34.

⁶Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. Т. II, М., 1968. 1640.

⁷Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М., 1976. 1028.

⁸См.: Предметно-понятийный словарь греческого языка: Крито-микенский период. Л., 1986. 159.

⁹Караимско-русско-польский словарь. 448—449.

¹⁰Миллер Б.В. Персидско-русский словарь. М., 1960. 88.

Б.И. Татаринцев

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТЮРКСКОГО *TARQAN* ~ *TARĀN*

Слово *tarqan* ~ *tarĀn* ..., широко распространенное в тюркских языках, загадочностью своего происхождения и содержательными характеристиками (оно, в частности, издавна известно в качестве титула) привлекало и продолжает привлекать внимание исследователей, предложивших ряд версий его этимологии. Эти версии в большинстве своем не отличались достаточной убедительностью, что относится и к попыткам обосновать происхождение слова, исходя из материала тюркских языков.

Возник своего рода этимологический кризис, отражением которого явилась, например, статья "Этимологического словаря тюркских языков" Э. В. Севортяна (Севортян III, 151—154), где приводится

сводка основных мнений о происхождении слова, но автор ограничивается лишь их изложением, не присоединяясь ни к одному из них и не предлагая ни своего решения, ни даже более или менее вероятного направления поисков.

Некоторые этимологические версии, однако, не были охвачены этим обзором. В него не вошла, к примеру, иранская ("скифская") версия, выдвинутая В.И. Абаевым и сравнительно недавно нашедшая отражение в его известном словаре, а также и в публикации, специально посвященной этимологии слова *tarqan* (Абаев III, 275—277)¹. Естественно, что в поле зрения Севортяна не могли попасть и еще более поздние попытки, предпринятые исследователями в этом направлении.

Между тем версия В.И. Абаева, благодаря большому авторитету ученого, определенной логичности самой его версии, а также категоричности итоговых суждений (присоединяясь к предположению Г. Дёрфера о заимствованном характере слова в тюркских языках, В.И. Абаев, в частности, пишет: "Речь может идти только (разрядка наша. — Б.Т.) о заимствовании из североиранского" (Абаев III, 277), некоторыми исследователями, в частности неязыковедами, воспринимается как вполне установленная истина.

Уверенность в этом породила, к примеру, следующее, не менее категоричное суждение: "К сожалению (?), до сих пор при толковании ряда древнеславянских терминов, в том числе социально-экономических, лингвисты обращаются к тюркской этимологии, которая, во-первых, относительно поздняя, а, во-вторых, сама испытывала огромное влияние, предшествовавшего ей иранского мира. Ныне доказано, что такой, на наш взгляд, тюркский термин, как "тархан", в действительности восходит к скифским наречиям" (следует ссылка на словарь В.И. Абаева)². Односторонняя "проиранская" и, соответственно, "антитюркская" направленность высказывания в особых комментариях не нуждается, как, впрочем, и последующие достаточно сомнительные предсказания того же автора в том духе, что "тщательное исследование" в будущем якобы выявит иранскую этимологию "древнерусских терминов типа "боярин", "богатырь" и ряда других"³.

Следует уточнить, что самому В.И. Абаеву подобные крайности чужды. Он справедливо указывает, что именно из тюркских языков слово *tarqan* было заимствовано современными иранскими (в частности, персидским, курдским, афганским), а также русским, отмечает, что из этого же источника оно вошло и в ряд других языков (Абаев III, 276). Он же в одной из своих последующих публикаций отмечает сотни тюркских заимствований в осетинском языке (современном преемнике одного из скифских наречий), где, по данным В.И. Абаева, в "заимствованной лексике... тюркский элемент занимает первое место". Далее, "обилие тюркских элементов в осетинской антропонимии (как и в апеллятивной лексике) объясняется длительностью и интенсивностью алаано-тюркских контактов" (начиная с гуннов и авар), причем "тюркоязычные народы пользовались у алан высоким престижем"⁴.

На эти высказывания В.И. Абаева необходимо обратить особое внимание, поскольку в предлагаемой им версии центральное место занимают именно данные осетинского языка, а конкретнее — осетинское слово *tærxon* 'суд', которое, по мнению В.И. Абаева, имеет "безупречную индоевропейскую этимологию"⁵.

Согласно этой версии, осет. *tærxon* в прошлом означало не только 'суд', но и 'судья', а возможно, и 'переводчик'. "Как особо ценные люди, эти "интеллектуалы" получали от правителей разные привилегии и прежде всего освобождались от налогов и повинностей". "... В результате северноиранское ("скифское") **tarxān* 'судья', 'переводчик' продвинулось в семантике в сторону более общего значения 'привилегированное, знатное лицо' и в этом значении могло употребляться как титул или сан, входить в состав личных и фамильных имен и т. д. В этом обобщенном значении оно и вошло затем в тюркские и другие языки"⁶.

В приводимых суждениях есть логика возможного, но здесь, вместе с тем, очень мало реального. Фактически реальностью является только существование осет. *tærxon* 'суд' (процесс) (а также еще и 'суждение', 'обсуждение', 'судебное решение', *judicium* ...), а все остальное — не более чем реконструкция, и при том реконструкция гипотетическая. Само наличие скифского **tarxān* с указанными значениями и их последующим развитием, — по-видимому, не более чем гипотеза, основанная на осет. *tærxon*. Не случайно **tarxān* не вошло в "Словарь скифских слов" (составленный также В.И. Абаевым), куда включены восстановленные скифские лексемы⁷. То, что это слово в скифском реально употреблялось (а не просто "могло употребляться") как титул или входило в состав антропонимов, тоже не находит убедительного подтверждения.

В.И. Абаев считает, что возможность обратного заимствования слова (из тюркских в осетинский) "придется исключить". В отдельной публикации по его этимологии в пользу этого приводятся такие аргументы, как уже упоминавшаяся "безупречная индоевропейская этимология" и то, что "значение 'суд', основное в осетинском языке, никак нельзя вывести из значения 'человек, свободный от налогов', наличествующего в тюркских языках", а в словарной статье фигурирует только последний (семантический) аргумент (Абаев III, 276).

Однако он выглядит "палкой о двух концах": ведь если настаивать на том, что основное, исходное значение осетинского слова — 'суд' (причем именно как процесс), то и из него, равным образом, затруднительно вывести семантику типа 'человек, свободный от налогов'. Действительно, приведенный выше комплекс значений современного осет. *tærxon* имеет очень мало общего с подобной "личностной" семантикой. Это становится еще более заметно, когда В.И. Абаевым приводится сопоставление с данными других индоевропейских языков, в частности, с древнеиндийским *tarkana* 'суждение, предположение, догадка' (< *tark-* 'иметь суждение, делать предположение, размышлять').

Если исходить только из такой семантики, то вполне вероятно, что осетинское и соответствующие ему тюркские слова — гетероген-

ны. Но В.И. Абаев настаивает на том, что отглагольные имена на *-ana* означали также и *Nomina agentis*, а осет. *tærxon* — 'судья' и т.п. Это также допустимо, но почему бы, в таком случае, не предположить, что появление в прошлом у *tærxon* значений типа 'судья' могло быть стимулировано влиянием тюркского *tarqan* ~ *tarxan* 'привилегированное лицо'?

Таким образом, относительно осет. *tærxon* и тюрк. *tarqan* реально думать как о независимых друг от друга словах, хотя в принципе здесь не исключено тюркское семантическое влияние на осетинское слово (учитывая в целом значительное тюркское воздействие на осетинскую лексику, о чем писал В.И. Абаев).

Помимо собственно иранской версии происхождения тюрк. *tarqan*, существуют и такие, где иранские языки рассматриваются как посредники между тюркскими и другими (древними мертвыми) языками. Прототипом тюркского слова считаются хетто-лувийский теоним *Tarḫunda*, этрусский царский антропоним *Тарквиний (Tarquinius)* и другие схожие с ними имена собственные. К числу сторонников этой точки зрения относится К. Менгес, а к ее решительным противникам — Г. Дёрфер⁸. Менгес считает, что "на своем пути на восток, к алтайским языкам, прототип (хотя и не ясно, какой именно. — Б.Т.) форм *darqan, tarqan* мог, естественно, пройти через иранские языки. Скифам слово было известно в форме *Таруттаос* имени их первого царя ..."⁹, однако против такого сближения существует серьезный контрдовод.

В частности, В.И. Абаев не связывает имени этого скифского царя с *tarqan*... и, что немаловажно, предлагает его собственно иранскую этимологию < *darğa-tava* 'долгомощный'¹⁰.

На наш взгляд, все подобные сопоставления, внешне довольно эффективные, тем не менее, неубедительны (труднообъяснимые фонетические различия, едва ли совместимые пространственно-временные различия и т.д.) и в целом мало что дают в плане установления этимологии тюркского *tarqan*. Во всяком случае, доказать гомогенность этого слова с указанными именами собственными едва ли это возможно.

То же самое следует сказать и о последующих попытках связать тюрк. *tarqan* с указанным древним теонимом (хотя и в несколько ином облике: *Tarḫunt-a* и проч.), согласно одной из которых это имя картвельского происхождения, проникшее в тюркские языки через иранские (согласно версии К. Менгеса), а согласно другой — оно индоевропейского происхождения¹¹.

В целом, предпринятые в последние годы попытки истолкования происхождения рассматриваемого тюркского слова нельзя признать успешными. Вместе с тем сами эти попытки порождены, в свою очередь, также малоудачными или, по крайней мере, не доведенными до логической завершенности опытами его этимологии, проводившимися ранее. Можно, в частности, согласиться с такими исследователями (Г. Дерфер, К. Менгес, В.И. Абаев), которые признали неудачными версии китайского или сино-корейского происхождения слова *tarqan* ~ *darkan*. Но те же исследователи говорят и о малой убедительности

тельности его этимологий, исходящих из тюркских и вообще алтайских языков, с чем трудно согласиться полностью.

По мнению некоторых из них, у тюркского слова отмечаются некие "нетюркские" внешние особенности. Так, К. Менгес считает, что "в тюркском оно фонологически неустойчиво (*tarqan, tarxan; tärkän*), но это не аргумент: в такой мере "неустойчивы" и многие явно тюркские слова. Кроме того, переднерядный вариант *tärkän (terkän)* требует особого разговора, а что касается варианта с [x] в срединной позиции, то К. Менгес (возражая Г. Дёрферу) далее пишет, что "нельзя доказать первенства формы с [x], поскольку твердый заднеязычный в положении после плавного обычно переходит в спирант (*lq, rq > lx, rx ...*)"¹². Поэтому, когда еще ниже говорится: "У этого слова несомненные признаки заимствования", то остается неясным, о чем идет речь.

Трудно согласиться и с утверждением, согласно которому "географическое распространение его (слова *tarqan*. — Б.Т.) слишком ограничено"¹³. Напротив, это одно из употребительных на территории распространения тюркских языков слов, что видно по сводке, приводимой в словаре Севортяна (Севортян III, 151—152), хотя и не совсем полной (отсутствуют, например, чув. *турхан*, туркм. *тархан*), а также хазарские, болгарские и некоторые другие соответствия). Они приводятся в работе С.М. Шапшала¹⁴, интересной во многих отношениях (в том числе своими экскурсами в сферу понятия "тархан", что оказывается весьма полезным при установлении этимологии слова), но неучтенной в словаре Севортяна.

С учетом сказанного объяснимы неоднократно предпринимавшиеся попытки этимологизации *tarqan ~ darqan* на тюркской языковой основе. В частности, должны быть отмечены версии А. фон Габэн (затем повторенная М. Рясняном)¹⁵, объясняющей его как составное наименование, состоящее из двух титулов: *tar* (напр., в составе древнеуйг. *tarim* 'женский титул') + *хан* 'титул хана' и Д. Шинора, истолковывающего слово как отглагольное образование от основы *tar* 'рассеивать', которое первоначально означало нечто вроде 'рассеиватель', 'победитель' (Севортян III, 153)¹⁶.

Эти версии содержат определенное рациональное зерно, но они не являются полноценными этимологическими разработками. Перед нами не более чем заявки на этимологию, основанные на минимальных, явно недостаточных данных и не содержащие сколько-нибудь детального анализа.

Между тем материалы тюркских языков открывают здесь определенную перспективу, особенно применительно к смысловой стороне соответствий слова *tarqan ~ darqan*. Она наиболее полно представлена в ЭСТЯ, где выделено тринадцать групп значений.

Такая многозначность (хотя и носящая суммарный характер) может свидетельствовать, что перед нами, скорее, центр распространения слова, чем его периферия и, соответственно, скорее, оригинальное слово, нежели заимствование. Однако, определение Э.В. Севортяном основной, исходной семантики, а также направления смыслового развития вызывает возражения. "Старейшими" среди приведенных в Словаре Севортяна считаются те, которые объединены в груп-

пы 8 ('титул; высокое звание'...), 11 ('часть имени собственного') и, под вопросом, 1 ('кузнец'), более поздними — 4 ('человек, свободный от податей и повинностей', 'привилегированное лицо (или сословие)' ...), 12 ('племя чагатайское'; кстати, в качестве этнонима *tarqan*... распространено гораздо шире, чем это отражено в Словаре у Севортяна¹⁷), 13 ('право наследования земельных угодий в феодальной России'), а последующими — все остальные, в числе которых — 'свобода', 'любимый', 'баловень, неженка, избалованный' и др.

Что касается значения 'кузнец', то Э.В. Севортян сам с достаточным основанием подверг сомнению его древность и, вслед за другими, связал его появление с относительно поздним монгольским влиянием (вторичным заимствованием из монгольских языков) (Севортян III, 152, 154). Вместе с тем, для столь уверенного отнесения к числу старейших "титulyрного" значения, а также "семантики" антропомического характера (в чем, впрочем, Севортян не одинок) достаточных оснований нет. Тот факт, что в качестве титулов или (частей) собственных имен *tarqan* отмечено в более старых (например, в древнетюркских) письменных памятниках, еще не является решающим доказательством наибольшей древности этого слова именно в таком качестве.

Выдвижение на первый план подобной семантики как старейшей (resp. исходной), по-видимому, связано с трактовкой названий древней тюркской титулатуры как сплошных заимствований из других (нетюркских) языков¹⁸, хотя, как, скажем, и в случае с *tarqan*, это не всегда сколько-нибудь убедительно аргументируется. Естественно, что при указанном подходе исследователи практически почти не затрагивали таких вопросов, как пути и способы образования титулов, возможные при этом семантические переходы и переносы наименований и т.д., так что здесь можно столкнуться и с определенными неожиданностями.

Наименьшей из этих неожиданностей можно считать допущение того, что семантика типа 'привилегированное лицо', 'привилегированный, находящийся на особом положении' вполне могла быть не вторичной от "титulyрной" (кстати, не очень ясной), а, напротив, первичной по отношению к последней, и не случайно, по-видимому, что именно упомянутая уже выше 4-ая группа значений, связанных с характеристикой различных льгот и привилегий, оказалась наиболее обширной по сравнению с другими.

Вместе с тем, с одной стороны, едва ли на той же временной плоскости, что и значения группы 4, правомерно располагать явно более позднее значение 'право наследования... в феодальной России' и этнонимическую семантику, поскольку имеющиеся материалы позволяют сделать вывод, что *tarqan* как социальный термин, скорее всего, предшествовал этнониму¹⁹. Но, с другой стороны, неясно, почему от значений группы 4 оторваны и отнесены к числу не то что вторичных, а уже третичных значения 'любимый, награжденный' (группа 6) (ср. в 4-ой группе значение 'любимец хана, награжденный, прощенный им').

В свою очередь, с семантикой 'любимый' (т.е. также находящийся

в особом положении) весьма тесно связан круг значений типа 'баловень, неженка, избалованный'. Отметим, кстати, что подобная семантика распространена шире, чем это отмечено в Словаре Севортяна. Так, 'избалованный' отмечено не только у азербайджанского диалектного *тархан*, но и у туркм. *тархан*, которое имело или могло иметь также значения 'своевольный; тот, кому все дозволено' (судя по производному от *тархан* существительному *тарханлык* 'своевольность' (ср. также *тарханлык этмек* 'делать что хочется, поступать как заблагорассудится').

В этом плане представляют интерес материалы тувинского языка, где помимо явно поздних *даьрган*²⁰₁ 'кузнец' и *даьрган*₂ как этноним (название одной из тувинских родоплеменных групп)²¹, существует еще одно такое, явно не зависимое от двух первых и, видимо, более архаичное слово (условно — *даьрган*), семантика которого реализуется только в составе устойчивых сочетаний типа *даьрган кийжи* (*кийжи* 'человек') 'лентяй; человек, который может позволить себе жить беспечно, беззаботно'; *даьрган олурар* (*олурар* букв. 'сидеть') 'ничего не делать, бездельничать'; *даьрган аьт* 'лошадь, не используемая в хозяйстве' (о лошади ценной, хорошей породы или, наоборот, о старой, отработавшей свое лошади) (*аьт* 'конь, лошадь'): ср. караимское парное слово *бои-тархан* 'болтун, бездельник'²².

Хотя в значениях большинства подобных словосочетаний весьма ощутим негативно-оценочный момент, все-таки и здесь налицо отмеченная выше семантика типа 'находящийся на особом положении'.

Таким образом, *tarqan* ~ *darqan*, вероятно, обозначало реалию, которая может быть описана по-разному, но в это описание должны были входить такие компоненты, как 'особое положение (в обществе)', 'благополучие, благоденствие', 'возможность очень многое позволить себе'. А поскольку все это было явно обусловлено предоставляемыми тарханам (у тюркоязычных народов, в частности) привилегиями, а последние предоставлялись как раз для того, чтобы обеспечить их носителям "вольготную" жизнь, то отмеченные выше компоненты вполне могли входить и в само первоначальное понятие, обозначаемое термином *tarqan* ~ *darqan*.

О том, сколь велики могли быть тарханские права, льготы и привилегии, можно судить по имеющимся источникам. Как отмечал С.М. Шапшал, наиболее детальное их описание встретилось у мусульманского автора Сейида Мухаммеда-Риза (или просто Мухаммеда-Риза), связанного с Крымским ханством и писавшего в первой половине XVIII в. Хотя это описание позднее, но оно отражает, по-видимому, достаточно архаичные представления о тарханстве. Согласно приводимому его автором перечню, тархан не привлекался к ответственности за девять совершенных им "крупных преступлений", сам он и его потомки до девятого поколения освобождались от налогов, тархан пользовался правом свободного входа в царский дворец и рядом других милостей, связанных с близостью к хану, имел право взять в жены любую женщину (кроме дочери хана), даже не спрашивая на это разрешения ее отца, мог также "дойти до левяти небес почета и славы, удостоившись пожалования конями,

коврами и другого рода девятью предметами, причем каждого из них по девяти раз". Как отмечалось, в этом описании "обращает на себя внимание число девять, имеющее у тюркских народов значение множества, обилия, а отсюда — благополучия и счастья". Ср. также следующее определение интересующего нас понятия в другом тюркоязычном источнике: "Тархан — всепрошение; привилегированный; вельможа и племя, свободное от налогов. С человека, являющегося тарханом, ничего не взыскивается: добычу, которая ему досталась на войне, он присваивает себе, без разрешения является на аудиенцию, он свободен и волен от повинностей"²³.

Здесь хотелось бы обратить внимание на компонент 'свободный', поскольку в некоторых тюркских языках рассматриваемое слово встречается в подобном же значении. Так, среди "третичных" значений слова Словарь Севортыяна отмечает и 'свобода', характерное, согласно словарю В.В. Радлова, для казан. (= кирг.) *даркан* (ср. примеры типа *бүгүн, бизгә окүдан даркан* 'сегодня мы свободны от учения') (Радлов III, 1629).

Подобные же компоненты встречаются и в описании средневековых монгольских тарханов (*darхан*, мн. число — *darxad*), среди которых были лица самого разного исходного социального положения. К *darxad*'ам относились, например, вольноотпущенники, 'свободные из рабов'. "...Но так как обычно люди отпускались за какие-либо важные заслуги, то *darxad*'ы, особенно в век Чингис-хана, не только приобретали положение "свободных" и освобождение от повинностей и податей, но и достигали различных степеней и таким образом входили в круг феодалов". Владимирцов отмечает далее, что и "нояны получали иногда звание *darхан*, что означало освобождение от наказания за проступки"²⁴. *Noyan* же значило 'предводитель аристократического дома; господин; сеньор; военный сеньор'²⁵.

Если исходить из сказанного, то значения 'свобода; свободный' также должны были составлять аспект или компонент первоначальной семантики слова *tarqan* ~ *tarḡan*.

Можно полагать далее (исходя, в частности, из приведенных монгольских данных), что по своему первоначальному содержанию *tarqan* ~ *darqan* не было наименованием правителя, предводителя, повелителя. Соответствующие понятия, скорее всего, только соприкасались друг с другом: правитель мог быть (а мог и не быть) тарханом, и, соответственно, тархан — правителем. А если это так, то второй компонент слова не мог быть словом *qan-ḡan*, обозначающим в тюркских языках правителей и подобных им лиц, или хотя бы формантом, восходящим к этому слову²⁶, как предполагали некоторые этимологи (впрочем, само существование подобного форманта чрезвычайно сомнительно). Вместе с тем, вполне допустимо, что таково было вторичное осмысление структуры слова *tarqan* носителями тюркских языков, а поскольку в ряде из них, начиная с древнетюркских памятников, название хана бытует с начальным *x(ḡ)*, то этим (помимо того объяснения, которое приводилось К. Менгесом) также можно объяснить бытование слова в форме *tarḡan*.

Итак, *tarqan* ~ *darqan*, скорее всего, не является отыменным образованием. Но оно, по-видимому, и не есть непосредственное производное от глагольной основы *tar-*, как это полагал Д. Шинор. Хотя в принципе это может быть отглагольное имя на *-gan* (*-yan*), в действительности же, как показывает материал тюркских языков, вариант аффикса *-gan* с начальным глухим (после сонантов в частности) достаточно редок²⁷. Поэтому вместо *tarqan*... следовало бы повсеместно ожидать **taryan* ~ **daryan*, но этот вариант, наоборот, почти не встречается в реальности, за исключением явных случаев перехода $q \sim \chi > \gamma$ (как это было в тув. *daryan*).

И все-таки связь с указанной глагольной основой реальна, хотя нам она представляется иной, более сложной.

Основа *tar-* (а также и **dar-*) действительно означает, главным образом, 'распускать; рассеивать; распылять', но у нее отмечается и иная семантика ('расходиться, распространяться'). Кроме того, имеются и соотносительные с *tar-* "распространенные" глагольные основы типа *tara-* ~ *tari-*, а также *tarqa-* (с более редкими вариантами *tarya-* ~ *darya-*), а также означающие, кроме 'расходиться; рассеивать(ся)' и т.п., 'распространять(ся); расстилать' (*tarqa-*), 'распространяться', 'расселяться; размножаться' (*tara-*) (см. Севортян III, 150).

Значения типа 'распространяться', похоже, являются достаточно древними, о чем можно судить и по выделенной Э.В. Севортяном именной основе **tar* ~ **dar*, соотносительной с глагольной *tar-* и представленной в таких производных, как *tar-la-* 'увеличиваться, распространяться', *tar-ay-* 'распространяться, расширяться' (Севортян III, 151). Думается, что семантика этого **tar* должна быть типа 'широкий, пространный, просторный; живущий широко' (?). Не исключено и существование образной основы со сходными значениями.

Вполне вероятно, что с той же именной основой связан и древнетюркский титул *tarim*, присоединяемый к именам женщин ханского рода (иногда переводится 'жена тархана': см. Севортян II, 100, где приводятся также соображения по структуре подобных образований)²⁸, а также телеут. *тарыи* (возможно, через стадию глагола *тары-*) 'высокий сановник (в сказках)', *тарыи бий* 'начальник города или округа' (Радлов III, 846).

Что касается слова *tarqan*, то оно может рассматриваться как производное от глагольной основы *tarqa-* 'распространяться' и т.п., образованное при помощи аффикса *-(a)n*²⁹ и, возможно, имевшее первоначально семантику признака. В свою очередь, *tarqa-* Э.В. Севортяном рассматривается в его словаре как отыменная глагольная основа с формантом *-ka-*, но в более раннем его труде это слово фигурирует в ряду отглагольных производных с учащательно-интенсивным значением, а аффикс является соответствующим модификатором³⁰, что выглядит также достаточно обоснованным и может быть подтверждено последующим анализом слов, по-видимому, гомогенных с *tarqan*.

Рассмотрим, в частности, более детально структуру и семантику приводимого в Словаре Севортяна (якут.) *тарай-*. Согласно Л.Н. Харитонову, он означает 'раскидываться, растопыриваться, лежа или

откидываясь назад' (ср. также *дарай-* 'иметь чрезмерно широкие плечи')³¹, но у него же отмечено и переносное значение (или значения). По одним данным, это — 'важничать, ломаться, капризничать, корчить из себя', а по другим — 'жить, воспитываться в неге и коле, не знать ни нужды, ни забот'³². Однако интересно, что у прилагательного *тараах*, считающегося производным от *тарай-*, фиксируется только подобная "переносная" семантика 'избалованный, капризный, изнеженный'³³. Глагол имеет соответствия в монгольских языках: ср. совр. монг. *тарай-* 'растянуться лежа', бурят. *тарай-* 'разваливаться, раскидываться, растягиваться'.

Глаголы на *-(а)й-* ~ *-(ы)й-* широко распространены как в тюркских, так и в монгольских языках; этот формант образует глаголы разного характера от подражательных слов, именных, а также глагольных основ (от последних особенно в якутском языке). С глаголом *тарай-* явно гомогенны хакас. *тарбай-*, *тардай(т)-* 'растопыриться, раскорячиться; надуваться'; татар. *тарбай-* 'гордиться, чваниться' (Радлов III, 871), казах. *дарду-* < *дардый-* 'возомнить о себе, держать себя высокомерно'; ср. также *дардан* 'беспардонный; баловень судьбы'³⁴.

Глаголы *тарбай-*, *тардай-* (*тардый-*) отличаются от *тарай-* наличием компонентов, которые, как и в случае *тарка-*, могут быть отнесены к числу модификаторов, передающих интенсивность действия.

Некоторые исследователи, пишущие о титуле *тарган*, обращают внимание на др.-тюрк. *tärkän*, переводимое как 'титул, даваемый правителям областей' или сходным образом и представляющее собой вероятный переднерядный вариант к *тарган*. Дж. Клоусон отрицает гомогенность этих слов (хотя и не аргументирует свое мнение), а К. Менгес считает, что их реальные отношения неясны³⁵.

С нашей точки зрения, здесь вероятно гомогенность, поскольку *тар-* и, особенно, **тар* вполне могли иметь палатализованные варианты, что можно подтвердить сопоставлением материалов, в определенной степени параллельных тем, которые нами приводились в случае с *тарган* ~ *дарган*: ср. чагат. *тәркин-* 'расширяться; изобилывать' (Радлов III, 1070), якут. *тэрэй-* 'расширяться от основания широкой пластинкой; выдвигаться вперед...' (ср. ст.-письм. монг. *tereji-*, совр. монг. *тэрий-* 'распластаться, растянуться'), *тэрбэй-* 'быть устремленным вверх и вширь' ~ *дэрбэй-* 'высоко выставляться, возвышаться'³⁶. Обращает на себя внимание и якут. *тэргэн* 'большой' (в прямом и переносном смысле), а по Пекарскому — еще и 'дух, обитающий в среднем мире, на земле...'³⁷. Вероятно, в этом же ряду стоит и телеут. *терге* в сочетании *каан тергеси* 'столица'³⁸ (*каан* 'хан').

Не исключено, при всем этом, что др.-тюрк. *tärkän* и соотносимые с ним слова (в частности, имена) других тюркских языков отчасти могут быть связаны (вероятно, в том числе, и контаминация) с другой общетюркской основой, а именно *тер-* ~ *дер-* 'собирать, копить; объединять' (см., например, Севортян III, 204—205).

Однако, как бы то ни было, совокупность рассмотренных выше

фактов свидетельствует, что наиболее вероятным первоисточником ныне широко распространенного в различных языках слова *tarqan* ~ *darqan* ~ *tarqan* являются тюркские языки.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Абаев В.И. Tarqan* // Лингвистический сборник. Тбилиси, 1979. 21—25. См. ссылку на Словарь Абаева в редакторских примечаниях к Словарю Севортяна (Севортян III, 153).
- ² *Новосельцев А.П. Древнейшие государства на территории СССР. Некоторые итоги и задачи изучения* // История СССР. 1985. № 6. 94.
- ³ Там же.
- ⁴ *Абаев В.И. Тюркские элементы в осетинской антропонимии* // Теория и практика этимологических исследований. М., 1985. 23, 27—28.
- ⁵ *Абаев В.И. Tarqan*, 24.
- ⁶ Там же. 23—24.
- ⁷ См.: Основы иранского языкознания: Древнеиранские языки. М., 1979. 276 и след.
- ⁸ *Менгес К.Г. Восточные элементы в Слове о полку Игореве*. Л., 1979. 154 (прим. 225).
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Основы иранского языкознания... 287, 306.
- ¹¹ *Габескирия Ш.В. К происхождению слова tarqan в алтайских языках; Шерашидзе И.Н. Об одном древнем миграционном термине* // Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности: Тез. докл. XXIX сессии Постоянной Международной Алтаистической конференции (PIAC), т. II. Лингвистика. М., 1986, 33—34, 130—131.
- ¹² *Менгес К.Г. Указ. соч.* 152—153.
- ¹³ Там же, 153.
- ¹⁴ *Шапшала С.М. К вопросу о тарханских ярлыках* // Академику В.А. Гордлевскому к его семидесятипятилетию. М., 1953. 302—316.
- ¹⁵ См. также: *Добродомов И.Г. Веселая этимология: Таракан в этимологическом аспекте* // Русская речь. 1970. № 6. 99.
- ¹⁶ Существует также близкая к обюм указаным версиям этимология Н.К. Антонова, согласно которой тюрк. *тархан* представляет своего рода композиту *тар хан*, где *хан* — титул, а *тар* — "видоизмененный древнетюркский глагол *тэр* — 'собирать, копить'". Первоначальная же семантика слова *тархан* — 'хан, занимающийся сбором, накоплением податей или сбором войск' (*Антонов Н.К. Материалы по исторической лексике якутского языка*. Якутск, 1971. 112). Однако, подобные представления о структуре слова вызывают возражение: "чистая" тюркская глагольная основа не может сочетаться с именем, образуя при этом атрибутивное словосочетание.
- ¹⁷ См. об этом: *Кузеев Р.Г., Гарипов Т.М. Этноним тархан у башкир, чувашей, венгров и болгар* // Ономастика Поволжья, 4. Саранск, 1976. 13—16.
- ¹⁸ Из работ последних лет см., в частности: *Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв. Л., 1980. 104—105* (здесь же указана соответствующая литература по данному вопросу).
- ¹⁹ *Кузеев Р.Г., Гарипов Т.М. Указ. соч.*, 14—15. Ср. также цитату из произведения Ахмеда-Вефика паши в указ. работе С.М. Шапшала (311).
- ²⁰ Сочетанием знака ь с предшествующей гласной в тувинской графике обозначается особое качество гласных фонем: фарингализация.
- ²¹ См. об этом этнониме: *Вайнштейн С.И. Тувинцы-тоджинцы*. М., 1961. 37; *Чадамба З.Б. Тоджинский диалект тувинского языка*. Кызыл, 1974. 16.
- ²² *Шапшала С.М. Указ. соч.* 316.
- ²³ Там же. 309, 310.
- ²⁴ *Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм*. Л., 1934. 117 (основной текст и примеч. 6).
- ²⁵ *Владимирцов Б.Я. Указ. соч.* 74, 104.
- ²⁶ См. также: *Менгес К.Г. Указ. соч.* 153.
- ²⁷ *Севортян Э.В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке*. М., 1968. 313 и след.
- ²⁸ Следует, однако, сказать, что в ряде работ это слово фигурирует в переднерядном

- варианте (*tārim*), которому приписывается и совершенно иная этимология. См., например: *Clauson G.* In *Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth Century Turkish*. Oxford, 1972. 549; *Менгес К.* Указ. соч. 153.
- ²⁹ *Севортян Э.В.* Указ. соч. 332 и след.
- ³⁰ *Он же.* Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962. 245.
- ³¹ *Харитонов Л.Н.* Типы глагольной основы в якутском языке. М.; Л., 1954. 232, 287.
- ³² Ср.: *Харитонов Л.Н.* Указ. соч. 298; *Пекарский Э.К.* Словарь якутского языка, 1959, т. III. 2526; Якутско-русский словарь. М., 1972. 376.
- ³³ *Пекарский Э.К.* Указ. соч. 2568; Диалектологический словарь якутского языка. М., 1974. 236.
- ³⁴ *Кайдаров А.Т.* Структура односложных корней и основ в казахском языке. Алма-Ата, 1986. 201.
- ³⁵ *Clauson G.* Указ. соч. 544; *Менгес К.Г.* Указ. соч. 153.
- ³⁶ *Харитонов Л.Н.* Указ. соч. 288, 300.
- ³⁷ *Пекарский Э.К.* Указ. соч. 2643.
- ³⁸ *Вербицкий В.* Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Казань, 1884. 350.